МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

УНИВЕРСИТЕТ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ ОБРАЗОВАНИЯ

САМАРСКИЙ ФИЛИАЛ УНИВЕРСИТЕТА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ ОБРАЗОВАНИЯ

НАУКА В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ: ПРОБЛЕМА ИНТЕГРАЦИИ

Доклады и тезисы
V межрегиональной (II международной)
научной конференции

Москва
2002

Глава V.
НАУЧНЫЕ АЛЬТЕРНАТИВЫ.

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ НОВОГО В НАУКЕ.
§1. Экономика.

Т.Н. Соснина (Россия, Самара)

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК ФАКТОР СТАНОВЛЕНИЯ ЭКОНОМИКИ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Глобальное сообщество, вступившее в третье тысячелетие, находится в кризисном, переходном периоде развития, истинный масштаб которого не осознается адекватно ни на уровне отдельных личностей (социальных групп), ни на уровне социума как планетарного целого: "…человечество на пороге XX1 века подошло к пределу в своем историческом развитии, который может обозначать некоторый рубеж, отделяющий более или менее благополучную историю рода человеческого от неизвестного И вероятнее всего, очень опасного будущего. Опасного для судеб наших детей и внуков". (Обращение академика Н.Н. Моисеева к участникам "Круглого стола" на тему: "Быть или не быть… человечеству? //Вопросы философии, 2000, №9, С.3-4).

Глобальный кризис, поразивший современный социум, многолик по сути и формам выражения. Согласно данным экспертов ООН общая численность населения Земли, достигшая 6 млрд. человек, к 2050 году поднимется до отметки 10-14 млрд. (ежедневно планета принимает в свое лоно около 240 тыс. новых жителей). Катастрофически быстро истощается и качественно деградируют природные (включая «неистощимые») ресурсы Земли; за последние 70-80 лет загрязнение воздушного бассейна возросло в 100000 раз; естественные речные стоки уже не в состоянии обеспечить качественный возврат воды в свои кругообороты; антропогенная нагрузка на биосферу максимально близка к критической, ибо естественное равновесие природных циклов социуму восстанавливать известными ему методами сегодня уже не удается. Плюс к тому – современная цивилизация стоит также перед необходимостью решения комплекса проблем, связанных с деградацией своих нравственных устоев: в обществе перестают «работать» механизмы, приемы и способы освященные веками с целью утверждения основ гуманистической нравственности; все более четкие и одновременно агрессивные формы принимают конфликты Севера с Югом, Запада с Востоком, модифицируются виды и формы социального неравенства (материального, духовного, информационного, экологического и других). Просматриваются также и контуры новых глобальных проблем, о содержании которых сегодня можно только догадываться. В рамках XX1 века вполне вероятна ситуация, когда за

«место под Солнцем» человечеству придется бороться с новой высокоорганизованной искусственной цивилизацией, основу которой составят биороботы и системы искусственного разума.

В результате развития ТНК глобальная экономика приобретает новое качество, становится самовоспроизводящей системой, а верхняя власть в экономике соответственно перемешается с национального уровня на глобальный, и только мировой рынок продолжает располагать достаточно эффективными механизмами регулирования межотраслевых и межрегиональных пропорций производства. Если раньше хозяйство практически каждой страны представляло собой самовоспроизводящуюся систему, то сегодня это базовое качество добровольно-принудительно трансформируется на уровень мирового хозяйства как целого. Никакая национальная экономика, даже при успешно культивируемых современных технологиях, не может функционировать как эндогенная; «перепрыгнуть» квалификационную планку современных технологий они могут только по «протекции» ТНК.

Объективную основу функционирования ТНК составляет сформировавшиеся в последние десятилетия общемировые коммуникационные системы и, прежде всего, «всемирная паутина» (интернет). Интенсивно формируется человеко-машинное общество со своими пространственно-временными и информационными координатами. Человеко-сетевые комплексы этого общества обеспечивают операционную деятельность в реальном масштабе времени независимо от географического положения объекта управления, что и создает материальные условия для глобальной корпоратизации экономики.

Вся социально-экономическая динамика общества организуется по сетевому принципу. «Сети» пронизывают производство, создавая новые его формы, формируют институты власти, торговли, финансовые потоки, культуру, бесцеремонно вторгаясь в повседневную жизнь людей. (См.: Мясникова Л.А. Рынок и ожидания //Вопросы экономики, 1997, №11; Ее же: Глобальное экономическое пространство и сетевая несвобода //МЭ и МО, 2000, №11).

Оборотной стороной нового этапа глобализации экономики выступает беспрецедентное по силе и размаху антропогенное наступление на биосферу как среду производства и жизнедеятельности социума. Искусственное расширение емкости среды обитания человека в условиях ресурсного истощения планеты имеет следствием утрату ею свойства самовоспроизводства. (См.: Мовсесян А.Г. Американские ТНК в современной экономике // США-Канада, №12, 2000; Василевская Э.К. Личное потребление как движущая сила развития американской экономики// США-Канада, №6, 2000; Приписнов В. Основные сдвиги в мировой хозяйственной конъюнктуре; Загашвили В. Мировая торговля // МЭ и МО, №8, 1999; Мировая экономика в XX веке: потрясающие

достижения и серьезные проблемы // МЭ и МО, №11, 2001; Переосмысливая грядущее. Крупнейшие экономисты и социологи о перспективах и противоречиях современного развития //МЭ и МО, №11, 1998).

Какие проблемы западный мир вынужден решать уже сегодня? Насколько они опасны в прогностическом отношении? Обратимся к зарубежным и отечественным исследованиям, дифференцируя проблемы с акцентом на эндогенную (внутреннюю) и экзогенную (внешнюю) составляющие.

К первому классу проблем относится замедление темпов роста производительности труда. По оценке американского экономиста Лестера К. Туроу в странах индустриального мира, несмотря на существующие между ними различия темпы роста производительности труда в 70,80 и 90 годы были гораздо ниже, чем в 50,60 годы. На протяжении последних десятилетий темп роста производства (0,8 % в год) составляет лишь 1/4 часть *аналогичного показателя 60-х годов (3,2 % в год).* "То, с чем мы сталкиваемся сегодня, – пишет К.Туроу, – загадочно. Рост производительности труда приближается к своим минимальным показателям, но технологии развиваются все более стремительно. Сегодня ноутбуки обладают мощностью, которую несколько лет назад имели только гигантские стационарные вычислительные машины. Мы наблюдаем череду возникающих негативных последствий. В сфере услуг, секторе, обеспечивающим сегодня до 70% валового национального продукта, производительность труда не растет, а в некоторые годы даже снижается. С твердым постоянством скорость передвижения на автострадах падает, а время, впустую потраченное, растет, несмотря на все более совершенные конструкции средств передвижения. Огромные суммы денег, поглощаемые здравоохранением, по отдаче от них в виде более *низкого уровня заболеваемости населения, очень незначительно.*

Мы можем видеть компьютеры везде, но единственное, что не отражает роста их числа – это статистическая производительность. Скорее всего, это происходит оттого, что среднестатистическая их производительность эквивалентна включению каждого из них не более чем на один час в день.

Мы обладаем совершенной техникой, однако, плохо представляем себе как ее следует использовать. Не говоря о возможных последствиях, это замедление роста является величайшей проблемой, с которой сталкивается сегодня капиталистический мир" (См.: К. Туроу. Переосмысливая грядущее. Крупнейшие американские экономисты и социологи о перспективах и противоречиях современного развития // МЭ и МО, №11, 1998. С.12,13).

Современный мир переживает также и метаморфозы, вызванные переходом традиционных социально-экономических противоречий в

новые формы, в прогностическом отношении более опасные, нежели все переживаемые им ранее.

С одной стороны, часть граждан, добившись высокого уровня благосостояния, получивших хорошее образование, нашедших свое место в наиболее высокооплачиваемых секторах производства и сферы услуг все более сосредоточивают свое внимание на решении проблем собственного духовного и интеллектуального роста. С другой стороны, им противостоит часть населения, основная цель которого состоит в удовлетворении насущных материальных потребностей в жестких конкурентных условиях. Они не рассматривают образование как высшую ценность, поскольку их труд в отраслях массового производства, не требует творческих способностей и является репродуцирующим.

В этом контексте значимы два обстоятельства:

1. Обе группы оказываются все более изолированными друг от друга. Фактором социальной стратификации сегодня становится образование. Информационный продукт недостаточно купить, его необходимо уметь использовать, а это умение не приобретается за деньги, как ранее приобретались любые права на собственность.

Западные исследователи уже несколько десятилетий назад пришли к пониманию того, что базовые ценности закладываются с детства, формируясь в ходе интергенерационного диалога. Именно поэтому взаимный обмен между представителями двух новых классов общества – класса носителей знаний и класса занятого в сфере производства потребительских благ, будет становиться все менее интенсивным.

2. В условиях, когда информация и знания оказываются основным ресурсом современного производства, уникальные способности высококвалифицированных специалистов делают предпринимателей более зависимыми от них, нежели наемные работники были зависимы от представителей традиционного капиталистического класса. Представители класса носителей знания будут с каждым новым десятилетием перераспределять в свою пользу все большую часть общественного богатства.

Напротив, граждане, занятые в массовых производствах и не обладающие исключительным талантом, столкнутся с необходимостью еще более серьезной конкуренцией за рабочие места и достойную заработную плату.

Современная статистика доходов подтверждает факт, что представители высшего класса будут получать все больший доход, а малообеспеченные становятся все более обездоленными. С середины 70-х годов реальная зарплата рабочих средней квалификации практически не увеличивается, а доходы высококвалифицированных работников программистов, дизайнеров, ученых, не говоря уже о менеджерах и управляющих, постоянно растут.

В западных странах только творческая элита решает свои материальные проблемы за счет того, что уже было решено предшествующими поколениями или же решает их без особых трудностей самостоятельно.

Однако, огромные массы населения не имеют социальных условий для процветания. Образование, редкие профессии, выступающие источником богатства ,для них оказываются недоступными.

У большинства населения Запада творческая компонента труда оскудевает, возрастает она только у меньшинства общества (См.: Трансформация в современной цивилизации: постиндустриальное и постэкономическое общество, Материалы «Круглого стола».// Вопросы философии. 2000. №1).

К новым чертам, дополняющим картину социального статуса человека западной цивилизации, относится феномен подмены духовного начала личности технологическим, или рост степени несвободы индивида.

Трансформация стран «золотого миллиарда» в информационное общество связана с изменениями его духовных ценностей «Сетевая логика вторгается в сферы культуры. Постмодернистская культура, творчество абстрагируется от исторических и национальных корней, господствует аудиовизуальный гипертекст, формируется третья сигнальная система – гипертекстовая. Субъект растворяется в мире знаков, не имеющих центра. Медиа-космос берет на себя право интерпретировать, формировать цивилизационную идентичность. Технологические приемы, направленные на «промывание мозгов», подавляют культурный смысл, что предопределяет неизбежность подмены духовного начала чисто технологическим» (См.:Мясникова Л.А. Глобализация экономического пространства и сетевая несвобода // МЭ и МО, №11, 2000. С.4,6).

В наиболее продвинутой в сетевом плане стране – США – наблюдается снижение степени социализованности, увядание промежуточных общественных структур (профсоюзы, церковные приходы, общественные организации). Увеличение числа гражданских судебных процессов выражают нестабильность семейно-брачных отношений.

Все ретроспективное развитие западного общества, его прогресс были связаны с развитием свободы. Ныне формируется потребительское общество с сетевой несвободой, где сущность человека еще сильнее отчуждает от его существования, нежели в индустриальном обществе, а знание все больше становится товаром. Происходит сетевое отчуждение, которое ведет к отчуждению человека от человека.

По мнению Дж. Сороса, для современного капитализма характорно доминирование экономических ценностей. И это делает его нестабильным, подверженным кризисам, что вполне объяснимо – именно моральные ценности всегда были главным фактором, сдерживающим катастрофические по последствиям действия людей.

В отсутствие моральных ограничений человек становится более свободным в действиях, легче добивается экономического успеха. Соответственно, чем больше в нем развито стремление к материальному успеху, тем более аморальным он становится.

Далее. Распространение рыночных отношений на нерыночные сферы общественной жизни – личные отношения, политику, медицину, право – разрушают само общество. Последний удар социум получает со стороны возможных рефлексивных связей. Так, политики получают признание за то, что были избраны, а не за исповедуемые ими принципы. О деловых людях судят по их благосостоянию, а не по их честности или их вкладу в социальное благополучие. Понятие «хорошо» (моральные принципы) оказалось подменено понятием «эффективно» (экономическая оценка), и в этом Сорос усматривает главную угрозу стабильности современного капитализма. (См.: Дж. Сорос. Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности. М., Инфра-М, 1999).

Имеют место противоречия, связанные с видоизменением сущности самого капиталистического способа производства. Они определяются изменениями стержневых его характеристик: статуса «прибыли» и «конкуренции». На большом фактическом материале американский экономист И. Ставинский показывает, что капиталистическое общество, несмотря на очевидные его достижения, в прогностическом отношении раздираемо опасными противоречиями (Ставинский И. Капитализм сегодня и капитализм завтра. М., УРОО, 1977. С.79). Автор отмечает, что частный бизнес старается получить прибыль, не принимая во внимание, принесет ли это пользу или вред всему обществу. Скажем отдельные кампании зарабатывают прибыль на том, что продают товары в 10-20 раз дороже, нежели обходится их производство и доставка потребителю. Корпорации военно-промышленного комплекса получают огромные прибыли, крупносерийно выпуская никому ненужное военное оборудование и впустую затрачивая на эти цели сотни миллиардов долларов. Дух извлечения прибыли распространенный на сферу медицинского обслуживания становится все более разрушительным.

Кампании заранее определяют выпускаемому продукту искусственно короткий срок жизни, чтобы можно было чаще этот продукт воспроизводить в новых процессах производства. По той же причине крупные монополии скупают патенты на передовые технологии, повышающие срок годности товаров («Дженерал электрик», например, приобрел патент на производство электролампочек, каждой из которых можно было бы пользоваться десятилетия, но эта идея, видимо никогда не будет реализована).

По поводу данных фактов И. Ставинский замечает: «Такая политика вполне логична для позиции капитализма, но совершенно абсурдна с точки

зрения общества, для которого подобный подход к производству товаров потребления – преступное расточительство общественного труда».

Еще более наглядны примеры с использованием новых технологий, внедренных без учета экологических последствий. Прибыль от детергентов в 2 раза выше, чем от производства мыла, производство алюминия более прибыльно, чем производство стали, производство синтетических тканей более выгодное дело, чем производство естественных, изготовители бутылок находят более прибыльным выбрасывать старые бутылки, чем мыть их. Новая технология дает прибыль значительно большую, чем старая (См.: Коммонер Б. Технология прибыли. М., 1976. С.100).

Поскольку загрязнение никто не продает и не покупает – постольку экономика свободного предпринимательства к нему относится так, как будто его не существует вовсе.

Весьма любопытны соображения о свободной конкуренции как одном из устоев капиталистической экономики.

Применительно к отдельной кампании конкуренция повышает производительность труда, улучшает качество продукции, заставляет внедрять прогрессивные технологии и осваивать выпуск новых товаров.

С позиций общества конкуренция является нелепым двигателем производства, расходующим «впустую» большую часть человеческих ресурсов, задействованных в каждой конкретной отрасли. Так, в автомобильной промышленности США конкурируют друг с другом три ведущих кампании, каждая из которых в состоянии полностью обеспечить потребности внутреннего рынка. Значит, с точки зрения общества две из трех тратят капитал понапрасну. Аналогичная ситуация и во многих других отраслях (кампания IBM, например, могла бы целиком насытить американский рынок компьютерами и средствами связи).

Проблемы глобального экономического порядка четко проявляются через отношение западных стран к странам развивающимся в виде тенденций роста не только экономического, но и экологического, информационного, социально-политического и культурного неравенства. Можно говорить, по крайней мере, о пяти такого рода закономерностях.

ПЕРВАЯ ТЕНДЕНЦИЯ – рост экономического неравенства между Севером и Югом фиксируется, прежде всего, социальными данными. Показательны выводы профессора Мичиганского университета И. Шелта, который, ссылаясь на расчеты Программы развития ООН, пишет: Доля богатств 20% самых состоятельных людей мира в 1960г. превосходила долю богатств, имеющихся в распоряжении 20% беднейшего населения мира в 30 раз. К 1994 году этот разрыв достиг цифры 78% (Sholtej hethinking Globalization. London. 2000. P.23. Цит. По ст. Шведков Ю.А. Противоречия глобализации // США-Канада, 2000, №12, с. 66. Эти же данные фигурируют в работах ряда авторитетных экономистов, в том

числе Соломона Клаудио Мария: " Доходы 350 богачей равны доходам 45% населения Земного шара. При такой арифметической ассиметрии величина «бюджетов бедности» (минимальные условия для жизни) будет постоянно снижаться. Подобная ассимиляция экономического развития может перейти в неуправляемую, или стихийную стадию (См.: Соломон К.Мария (Буэнос-Айрес) Культурная экспансия и экономическая глобализация // МЭ и МО, 2000, №1, с.15).

Составители обзорного доклада МВФ по проблемам мирового экономического развития за 2000 год делают вывод: «Разрыв между богатыми и бедными регионами мира по среднедушевому размеру ВВП чудовищно вырос. Главной чертой экономического роста, если использовать для его измерения среднедушевой показатель ВВП, стал РАЗГУЛ НЕРАВЕНСТВА (Pritchett L. Divergence. Big Time // Journal of Economic Perspectives. V.II, Summer 1997.P.3-17. Цит. По книге: МЭ и МО, 2001, №1, с.36 ; см. также: Фридман Л., Кузнецов С. Глобализация: развитие и развивающиеся страны // МЭ и МО, 2000, №11, с. 17).

Развитый мир, как и высший класс составляющих его стран, становится все более замкнутым: если в 60-70 годы более половины инвестиций ведущих западных держав поступало во вне постиндустриального мира, то сегодня более 60% всех американских капиталовложений направляется в Европу. В свою очередь корпорации наиболее развитых стран – Великобритания, Япония, Франция, Германия, Швейцария, Нидерланды – обеспечивают суммарно более 85% инвестиций в американскую экономику (Трансформация в современной цивилизации // Вопросы философии,2000, №1, с.6).

Большинство государств мира сегодня находится в долговой яме, во многом организованной ТНК. Государственный долг стран ОЭСР вырос с 40% ВВП в 1971 г. – до 70 % в 1994 г. Долги развивающихся стран достигли 1,5 триллионов долларов и перешли в разряд ВЕЧНЫХ (Мовсесян А.Г., Огнивцев С.Б. Транснациональный капитал и национальные государства // МЭ и МО. 1999, №6, с.58).

ВТОРАЯ ТЕНДЕНЦИЯ – рост экологического неравенства между Севером и Югом все более четко фиксируется фактом интенсивного искусственного расширения емкости среды обитания.

Чрезмерная антропогенная нагрузка на биосферу привела к тому, что это расширение происходит за счет сокращения естественного ареала жизнедеятельности социума. Борьба за экологические ресурсы как возобновляемые, так и невозобновляемые становится в политике стран мира приоритетной, особо актуальной. Разрыв между развитыми и развивающимися странами по экологическому параметру увеличивается. Например, около 60% углекислого газа, поступающего в атмосферу, и создающего опасность парникового эффекта на планете – следствие, в основном, хозяйственной деятельности США и Западной Европы. Здесь

наметилось жесткое противостояние между США и развивающимися странами. Последние требуют, чтобы развитые страны снизили уровень загрязнения атмосферы. Без этого третий мир лишен возможности необходимыми темпами создавать национальную промышленность.

Развивающиеся страны с растущим населением (Индия, Китай) требуют также "энергетических квот". К названным проблемам добавляется множество других не менее важных в экологическом и демографическом отношениях.

Экологические проблемы создают опасность уже через 30-40 лет привести к потерям экономических преимуществ саморазвития и саморегулирования мировой хозяйственной системы. По существу речь идет о новой модели эколого-экономического развития, соответствующей реалиям XXI века. На основе ее формируется экологический рынок, а экологический фактор, в целом, становится параметром конкурентоспособности любой страны.

Экологическая политика все более активно реализуется в экономической стратегии развитых стран и крупных кампаний. Она охватывает систему мер, направленных на рациональное использование природных ресурсов, их охрану, восстановление природных объектов как внутри страны, так и за ее пределами. Эта политика проводится на уровне государства, которое устанавливает законодательные нормы в области охраны окружающей среды, включая урон кампаний, которые берут на себя обязательства по соблюдению этих норм, включенных в корпоративную стратегию развития.

Конкурентные преимущества получают фирмы, ранее других осуществившие капиталовложения в экологически чистые производства. Это открывает новые возможности перед западным бизнесом. Тенденцией 90-х годов можно назвать инновационный подход, в соответствии с которым фирмы пересматривают влияние их продукции на окружающую среду в течение всего жизненного цикла товаров (с момента их производства до утилизации после выхода из употребления). (См.: Пискунова Н.А. Экологическая политика как фактор международной конкурентоспособности государства // МЭ и МО, 2000, №7).

Слаборазвитые в экономическом отношении государства позволить себе такую ориентацию не могут в силу экономической маломощности и в силу непонимания важности самой постановки проблемы. Кстати, и в развитых государствах далеко не все правительства и политические партии разделяют точку зрения о необходимости экологизации производства.

В нашей стране сложилось мнение, что учет экологического фактора – это исключительно затратные мероприятия, которые снижают конкурентоспособность России.

ТРЕТЬЯ ТЕНДЕНЦИЯ – рост информационного неравенства развитых и развивающихся стран – ярко проявляет себя в параметрах

производства информационных технологий и мере доступа к сетям мировых коммуникаций.

Проблема информационного неравенства состоит в том, что новая информационная среда оказывается в разной степени доступной как разным людям и организациям, так и различным регионам и странам мирового сообщества, в целом. При этом те, кто способен эффективно использовать возможности новой информационной среды для своего развития, получает существенные преимущества перед теми, кто этого сделать не может. В результате последние вытесняются на обочину современного процесса развития цивилизации.

«Клуб семи», обладая 80,4% мировой компьютерной техники, и обеспечивая 90,5% высокотехнологического производства, стал фактическим монополистом в производстве информационной экономики в развитых странах с начала 90-х годов. Западные державы создали невиданный прежде по эффективности инструмент перераспределения в свою пользу мирового валового продукта. Две-три кампании контролируют сейчас практически всю сеть коммуникаций мира (См.: Колин К. Глобальные проблемы информационного общества: информационное неравенство // Вестник высшей школы, 2000, №6 ;M. Dawson, B.Foster. Virtual Capitalism: the Politikal Economi of Ynformation Nighway. N.Y.1996. Цит. По Мовсесян А., Огнивцев С. // МЭ и МО, 1999, №6, с.56).

Возникновение информационного неравенства связано с тем, что экономика традиционно продолжает ориентироваться на платежеспособный спрос населения. Сегодня в мире насчитывается около ста миллионов человек, имеющих доход более 20 тысяч долл. В год они могут воспользоваться всеми благами информатизации. Остальная часть населения из данного процесса «выпадает». Об этом говорит и то, что из 6 млрд. жителей Земли 4,4% живут в развивающихся странах, причем 80% из них не пользуется телефоном, (50% даже не видели их!), 75% не держали в руках электронных калькуляторов, не говоря о работе с микрокомпьютером.

Другой пример информационного неравенства связан с тем, что 80% объема программного продукта в мире создается на английском языке, но 75% населения мира этого языка не знает (Вестник высшей школы, 2000, №1, с.4).

По данным ЮНЕСКО в таких мегаполисах как Нью-Йорк и Токио насчитывается больше абонентских телефонных точек, чем во всей Африке. Россия, располагая 1/ 40 частью населения мира, занимает лишь 200 место по уровню информатизации, находясь в славном ряду «передовых» африканских государств.

Интернет, ставший повседневным инструментом общения в развитых странах, также остается недостижимой роскошью для Юга. Из 30

миллионов пользователей Интернета, почти половину составляют жители США.

Благодаря развитию новых технологий удается постоянно перемещать из промышленно развитых стран в страны развивающиеся производства, связанные с обработкой данных, поиском клиентуры и поставщиков, и даже разработку компьютерных программ. Интернет, через который ежедневно проходят миллионы долларов, а в ближайшей перспективе и миллиарды, естественно, не долго будет «вольным». Такой Клондайк не останется без хозяина, а кто им будет, предположить не трудно (См.: Герман Кристиано. Политические перепутья при движении к глобальному информационному обществу // Социс. 1998. №2).

Глобальные последствия от использования информационных технологий закрепляют увеличение разрыва между развитыми индустриальными странами и остальным миром.

Страны «обделенные» в информатизационном отношении вряд ли смогут наверстать упущенное.

Программное обеспечение разрабатывалось и продолжает разрабатываться в развитых государствах. Оно становится монопольным товаром. Монополистами природных ресурсов являются страны развивающиеся. Казалось бы возможен «эквивалентный» обмен. Но, масса международных организаций тщательно следит за тем, чтобы рынок природных ресурсов был и оставался конкурентным, и не приобретал тенденции к монополии. Одновременно под лозунгом защиты интеллектуальной собственности практически монополизируется производство программного обеспечения. Имеет место элементарный «стандарт» двойной модели: «себе – одно, лучшее», «другим – другое, худшее!». Это норма! И никакой другой быть не может!

Такая ситуация способствует консервации глобальной проблемы Север-Юг и ведет к неэквивалентному обмену между странами. «Развивающийся мир платит монополистам ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ НАЛОГ, представляя продукты массового потребления, конетатируя технологическую свою зависимость от Севера (См.: Бритков В.Б., Дубовский С.В. Информационные технологии в национальном и мировом развитии // ОНС, 2000, №1,с. 149).

ЧЕТВЕРТАЯ ТЕНДЕНЦИЯ – рост социально-экономического неравенства Севера и Юга проявляется через трансформацию их социально-политического мирового статуса.

Социально-политическое неравенство между развивающимися и развитыми странами является прямым следствием их экономического неравенства. Экспансия развитого мира на международной арене снижает влияние стран, производящих сырье или массовые промышленные товары, вызывая ускоряющуюся поляризацию мира.

Огромная масса населения мира не имеет условий для социальной защиты, здравоохранения, образования.

Современный Запад ищет пути интеграции глобального социума на базе, прежде всего, своих экономических и политических ценностей, а там, где они не срабатывают, склонны прибегать к военной силе. Идея государственного и национального суверенитета, равноправия народов в вопросе собственного самоопределения выходит за рамки стратегического курса США. В итоге политика Запада оказывается, в конечном счете, в противоречии не только с индивидуальной свободой и демократией, но и моралью. Следствием капитализма – тем более в мировом масштабе является не свобода и равенство народов и людей, а власть наиболее развитых стран над слаборазвитой периферией.

Социальные последствия развития информационного общества по прогнозам экспертов стран «семерки» ведут к новой эре, несущей блага всем. Однако, во многих официальных источниках, посвященных этой теме указывается на то, что при таком развитии формируется новое двухклассовое общество. Американский публицист Кристофер Леш, анализируя деятельность масс-медиа, приходит к выводу о том, что сосредоточение в руках небольшой группы людей власти над СМИ формирует новую элиту – «аристократию» информационной эпохи (См.: Der Kampf um Machtund Recht im Ynternet (Serie) // Der Spiegel, № 13 Vom 25.03 1996.S.132 ff).

Под новой элитой К.Леш имеет ввиду все те же 20 % населения, чьи доходы в течение последних двадцати лет стабильно увеличивались.

В образовании этой элиты он видит угрозу демократии, ибо, по его мнению, "новый класс" утратил веру в систему ценностей западного общества и проявляет социально-политическую безответственность, преследуя только свои деловые интересы. Во главе этого класса оказывается замкнутая группа избранных – руководство ТНК, директора и главы правлений различных промышленных и коммерческих обществ, магнаты информационной индустрии (См.: Герман Г. Политические перепутья при движении к глобальному информационному обществу // Социс.1998, №2, с.75).

Социальное неравенство поражает и большинство населения развитых стран. Для каждого гражданина, живущего в странах "семерки", доступ в "высшее общество" обеспечивается только при условии, что он располагает средствами на приобретение персонального компьютера и модема (около 4000 ДМ). Один час пользования интернетом стоит около 8-10 ДМ плюс платежи за местную и дальнюю телефонную связь. Лица с низким уровнем дохода не могут воспользоваться услугами компьютерной связи.

США стоит на первом месте в отношении социального неравенства. Доходы среднего класса, а также 20% населения, составивших низший

слой американского общества, стабильно сокращаются, а основной капитал нации сосредоточивается в руках высших социальных слоев, составляющих около 1 /5 населения страны. В социально-экономическом развитии Италии, Франции и Германии наблюдаются аналогичные тенденции. То есть и в странах "семерки" формируется двухклассовое информационное общество по причине неравенства их финансовых ресурсов. К этому нужно приплюсовать разницу в уровне образования между богатыми и бедными слоями населения развитых стран. Сегодня появление нового социального слоя Digeratis (distat Literati) людей – реальный факт. Почти 2/ 3 этого слоя состоит из представителей белой расы, из лиц мужского пола со средним возрастом от 20 до 30 лет, имеющих высшее образование и являющихся гражданами наиболее развитых стран (См.: Герман К. Политические перепутья при движении к глобальному информационному обществу // Социс, 1998, №2, с. 73).

Не только в развивающихся, но и в передовых странах «семерки» существует значительная группа населения, остающаяся оторванной от нового мира мультимедиа: 20% семей в США не имеют в своих квартирах телефона, а 70% располагающих этим видом связи в Нью-Йорке не имеют персональных компьютеров. Американские разработчики компьютерных программ вынуждены признать, что среди населения существуют огромные барьеры в культуре и образовании. По данным опросов 58 % американских семей, члены которых умеют пользоваться компьютером, не желают его приобретать по разным причинам.

В более широком контексте становление информационного общества оказывает «давление» на заработную плату в сторону ее снижения, а также ухудшает условия труда низкооплачиваемых и неквалифицированных трудящихся.

Расчеты показывают, что в связи с прекращением хозяйственного саморазвития ожидается спад мирового производства, соответственно переход к условиям доминирования государственной (общественной) собственности к режиму глобального тоталитаризма. Фактически сама глобализация в виде мировых ТНК с их плановым хозяйством содержит спектр противоречий с постулатами либерализма, создавшего этот мир.

Тоталитаризм доминировал в человеческом обществе 5 тысяч лет назад, либерализм начал формироваться на Западе 500 лет назад и достиг в конце XX века глобальной формы в виде сетевых структур социального постмодерна. На смену ему идет тоталитаризм в новом своем качестве – глобальной сетевой диктатуры. (См.: Мясникова Л.А. Глобальные экономические противоречия и сетевая несвобода // МЭ и МО, 2000, №11, с.8).

Через сети мировых ТНК экономика из способа хозяйствования превращается в многомерную властную систему координат. На новом

международном уровне подчеркивается старинный вывод о том, что политика есть концентрированное выражение экономики.

Сетевой мир ТНК неустойчив из-за отсутствия иерархической системы управления более высокого уровня (типа демократического мирового правительства, способного преодолеть этот кризис). Поэтому в целях стабилизации в рамках информационного общества начинает формироваться мировой тоталитарный порядок (концепция «золотого миллиарда» с гегемонией США).

Все это позволяет констатировать, что становление информационной парадигмы, ведущее к формированию постиндустриального общества сетевых структур, связано с глубокими качественными изменениями в жизни человечества, предопределяющими его структурную несвободу. (Мясникова Л.А. Глобализация экономического пространства и сетевая несвобода // МЭиМО, 2000, №11, с.4). Следствием подобного рода тенденции может стать нестабильность Севера. Так, Дж. Сорос выдвигает для обсуждения тезис о глубоком противоречии между капитализмом и демократией, снабжая его простой аргументацией. Общая логика его рассуждений такова. Страны, находящиеся на периферии мировой капиталистической системы, вынуждены догонять более развитые государства ее центра. Для этого им необходимо быстро запустить механизмы экономического развития. Сделать это можно только с помощью активного привлечения и использования международного капитала. Фактически большая часть мировой экономики, пытаясь решить эту задачу, находятся в постоянной и весьма жесткой конкуренции за международные инвестиционные ресурсы. Однако реальным козырем в такой борьбе может служить низкая зарплата, что при прочих равных условиях приводит к росту нормы прибыли на капитал. В итоге, большинство стран мира в битве за международные рынки капитала внутренне тяготеют к антидемократическим режимам без естественной тенденции к демократизации (См.: Дж Сорос. Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности. М.,1999).

ПЯТАЯ ТЕНДЕНЦИЯ – рост образовательного и культурного неравенства стран развитых и развивающихся является суммирующей предыдущие четыре тенденции.

«Разрыв между богатыми и бедными странами констатируется в докладе экспертов международного бюро труда 1991 г., ни в чем не проявляется так наглядно, как в области финансирования образования.

В 1989 году расходы на образование в пересчете на одного жителя составляли в развитых странах 787 долл., а в развивающихся – 34 долл. Такая ситуация углубляет противостояние Севера Югу» (Реформы образования в современном мире. Глобальные и региональные тенденции. М.: 1995, с.10).

Показателем образовательного потенциала стран служит также финансирование науки. Развитые страны постоянно и весьма существенно финансируют научные исследования. Так, США тратят на науку 150 млрд. долл., в том числе 75 из федерального бюджета. Развитые страны занимают первые места по затратам на научные исследования не только по абсолютному показателю, но и в процентах от валового внутреннего продукта (ВВП).

Для сравнения Россия ассигнует на науку всего 2,3 млрд. долл., а по показателю ВВП уступает даже таким странам как Чили, Исландия.

Прослеживается закономерность: чем выше уровень социально-экономического развития страны, тем больший процент ВВП она тратит на науку. Причинно-следственная связь имеет и обратный характер. Опыт новых индустриальных стран показывает, что резкое увеличение расходов на науку предшествует, а затем и сопровождает рост экономики. Доля НИОКР в развитых странах сегодня составляет половину стоимости готовой продукции. Затратная формула развитых стран - 11 на фундаментальные исследования, 10 - на НИОКР, 100 – на внедрение. В России эта формула не работает (Вестник высшей школы, 1999, №10, с.34).

Состояние «большой науки» в России вызывает серьезную тревогу. Численность работающих в научно-технической сфере с 2 млн. в 1990 г. сократилась до 800 тыс. в 2000 г. Около 50 тыс. ученых, прежде всего, математиков, физиков, химиков, биологов покинули Россию и работают в других странах. Средний возрастной уровень членов государственных академий составляет около 70 лет, докторов – более 60. Даже возраст кандидатов наук приближается к 55 годам.

Материально-техническая база не обновляется у нас уже 8-10 лет. В несколько раз сократилось информационное обеспечение российской науки книгами и журналами (особенно иностранными), заметно уменьшилось число научных семинаров и конференций. Уровень заработной платы научных сотрудников упал не менее чем в 5 раз, а бюджетное финансирование научных учреждений- более чем в 20 раз. Комментарии, как говорится, излишни.

До 90% экономического роста ведущие страны мира получают за счет научно-технического прогресса, а в России – менее 5%. В 1990 году эта доля в экономическом росте России составляла 65. (См.: В. Корзун. Во многом знании есть многие печали // Вестник высшей школы, 1999, №10; Вестник высшей школы, 2000, №1).

Становление информационного общества вызывает новые противоречия между странами и регионами, являясь следствием информационного неравенства и всех других видов неравенств. Развивающиеся страны вынуждены бороться за свою культурную самобытность. Культурные и институциональные модели, навязываемые державами – гегемонами, редко безропотно усваивается народами и

культурами. В культурной глобальной экспансии особо преуспели Соединенные Штаты. Именно они являются крупнейшими поставщиками любой из видов «культурной продукции» как высокого, так и низкого качества. 3/4 кинокартин, показываемых в мире с видеокассет и в кинотеатрах – американские. Американские газеты, кино пропагандируют американский стиль жизни, полностью игнорируя страны, в которых эта продукция распространяется, «забывая», что заставить мир пить «кока и пепси», ходить в кино только с поп-корном или любить только американский флаг, невозможно.

Поэтому возникает естественная реакция отторжения (исламский фундаментализм, например, во многом есть реакция на попытку американизировать арабский мир). (См.: Джульетто Кьеза. Верхи не знают… //Труд, 13 июля 1999г.

Глобальные информационные стереотипы в культурном плане «зомбируют» сознание и деятельность широких масс почти во всех странах третьего мира. Сейчас можно с помощью информации управлять поведением масс и, самое главное, статистически и вероятностно моделировать результаты целенаправленной информации. Моделированию поддаются также и политические процессы через подачу ложной информации и ее закрепление (теорема Томаса).

Информационные культурные стереотипы, внешне основанные на демократических принципах, не содержат сегодня идеологических элементов ни одной религии, игнорируют фундаментальные исторические корни и черты социально-экономического развития отдельных стран.

Культурно-информационные стереотипы индуцируют социально-экономическую деятельность, потребление и использование товаров и услуг во всех странах мира, что рождает новую схему социальных отношений: информация – производство – товары, услуги. Повышение экономической значимости научных и информационных продуктов создало асимметрию развития между США, Западной Европой, Японией и остальными странами мира.

В последние десятилетия уровень накопления, анализа и утилизации научно-технической информации прямо пропорционален уровню развития экономики каждой отдельной страны, а для развивающихся стран обратно пропорционален увеличению объема научно-технической информации.

Повышение значимости информационных процессов является причиной формирования трех культурно-экономических эпицентров – США, Западная Европа и Япония, где создаются, моделируются и передаются магистральными каналами связи все глобальные культурно-образовательные стереотипы потребления и поведения.

Особую опасность представляет трансформация традиционной системы морально-культурных ценностей, провоцируемое странами Центра. Устами Дж. Сороса западный мир выражает тревогу относительно

доминирования экономических ценностей, предпочтение которым делает его нестабильным, подверженным кризисам. Рыночные ценности утилитарны и легко измеримы (в денежных единицах) и отражают заботу человека о самом себе. Другой тип социальных ценностей общественные (моральные) выражают заботу о других. Измерить их, по мнению западных социологов, не представляется возможным.

Системный кризис, в котором пребывает сегодня общество, вывел его на грань бифуркации. Дальнейшая эволюция приобрела поливариантный характер, моделирование которой ЗА ПОРОГОМ, бифуркации предполагает построение спектра сценариев. Л.В. Лесков в статье «Футуросинергетика западной цивилизации (задачи синергетического моделирования)» предлагает, на наш взгляд, вполне реальные сценарии эволюции Запада, с указанием на факторы, которые могут играть ключевую роль при переходе к тому или иному варианту (Общественные науки и современность, 1998, №3).

Анализ результатов оценки относительных эволюционных сценариев западной цивилизации в XX1 веке приводит к выводу, что ее шансы на благополучное будущее не превышает 45% (сценарии №1 и №6). В обоих случаях, ключом, который открывает дорогу этим сценариям будущего Земли, является примат фундаментальной науки, интеллектуало-емких технологий и – как условие их продвижения в практику – становление ОБЩЕСТВА ОБРАЗОВАНИЯ.

Таблица 1

Сценарии	*Основные факторы*
1. Сохранение современного положения	Контроль ТНК над мировым рынком. Высокий уровень ВМП. Обновление технологической структуры развитых стран.
2.Мировая тоталитарная система	Стратегия "золотого миллиарда". Медленный темп развития третьего мира.
3.Новое средневековье	Демографический взрыв в странах третьего мира. Технологическое торможение. Утрата Западом социокультурного единства.
4.Раскол мирового сообщества	Обострение противоречий между мировыми центрами силы. Исчерпание возможностей стабилизации. Множественные военные конфликты в регионах. Терроризм.
5.Экологическая катастрофа	Скачкообразное ухудшение экологической обстановки на планете.
6.Переход к ноосфере	Поддержка фундаментальной науки, высоких технологий, образования. Укрепление мирового единства.

Однако благополучие по сценариям №1 и №6 весьма различно: если второй из них означает устойчивое движение к регулируемому будущему, то первый – не более чем модель отсроченной катастрофы. В течение тех десятилетий, которые последуют за границами предлагаемого Л.В. Лесковым прогноза, в первом случае почти наверняка начнется соскальзывание Запада к одному из неблагоприятных, тупиковых сценариев. Не подлежит сомнению и то, что пока западная политическая и экономическая элита не осознает бесперспективность идеологии разделенного на Севре и Юг мира интеллектуальная работа над деловыми программами ноосферизации в масштабах, необходимых для успеха, не получит достаточного импульса к развитию.

Если мировому сообществу будет сопутствовать удача, то Север и Юг будут трансформироваться в качественно новую, устойчиво саморазвивающуюся социально-политическую систему, многие черты которой были предсказаны В.И. Вернадским в его учении о ноосфере. (См.: Лесков Л.В. Футуросинергетика западной цивилизации. Задачи синергетического моделирования // ОНС. 1998. №3,с.149-159). Подобного рода прогнозы делались и делаются до сих пор. Речь в них идет о специфике видения отдельных этапов процесса, не о принципах и исходе последнего (См.: Зубаков В.А. XX 1 век: сценарии будущего // Зеленый мир,1996, №9; Валовой Д. Альтернативы экономического развития России в XX1 веке // Проблемы теории и практики, 1999, №6; Его же: XX1 век и три сценария развития. М.: 1999; Колин К.К. Человек и будущее: динамический вызов // Вестник высшей школы,1999, №10; Капица С.П., Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г. Синергетика и прогнозы будущего. М.: 1997; Моисеев Н.Н. Быть или не быть… человечеству М.: 2000; Доклад Римского клуба; Медоуз Л.Х., Медоуз Д.Л., Рандерс Й.).

В ситуации, когда очевидным стал факт, что «нынешняя экономическая система порочна и бесперспективна», стремление отечественных сторонников вестернизации, настаивающих на скорейшем «возвращении России в европейский дом», не принимают во внимание не только факт «самоотрицания частного капитализма как упразднение обеспечивающих его жизнеспособность институтов – свободного предпринимательства, свободной конкуренции, свободного рынка – но и то, что «Запад, если и готов допустить нашу страну к своему круглому столу, то лишь в качестве основной части природных ресурсов планеты – не более того».

Резонно задаться вопросом: «А не получится ли так, что завершение процесса развертывания в нашей стране институтов свободного рынка, свободного предпринимательства и свободной конкуренции совпадет ПО ВРЕМЕНИ с отходом от них Запада. Последний же в качестве новых

экономических институтов предпочтет те, в коих легко обнаружатся черты традиционной советской экономики?

В таком случае разрыв в экономическом развитии России и «цивилизованного мира» станет еще более значительным, нежели сегодня. Мы окажемся перед необходимостью «реформы наоборот», главной задачей которой будет восстановление разрушенных до основания институтов исторически альтернативных свободному рынку (См.: Резников Л.Б. Концепция диалектики производительных сил и производственных отношений в разработке антикризисно-реформационной альтернативы // Российский экономический журнал. 1999, №7, с.64).

Часто повторяя фразу «Россия находится в переходном периоде, (увы давно затянувшемся и «отягощенном отрицательными социально-экономическими и экологическими последствиями) мы далеки от ответа на другой вопрос: Куда, собственно, Россия переходит?

Вопросы исторические и не бесспорные, но вполне уместные в качестве объекта философско-экономического исследования.

В 90-е годы объемы производства в России сократились на 60, втрое обесценился валовой национальный продукт, в 10 раз уменьшилось число регистрируемых изобретений. Одновременно резко возросла внешняя финансовая задолженность страны, на недопустимо низкий уровень снизилось качество жизни людей, возникла безработица и т.д.

Из страны со второй в мире экономикой, Россия превратилась в государство-банкрот; а из донора – в получателя гуманитарной помощи (См.: Вестник высшей школы, 2001, №1, с.8).

В международном плане наша страна вынуждена считаться сегодня с гегемонизмом США, ибо военный бюджет этой страны по размеру равен бюджету Китая, России и Англии. Подобного рода негативная социально-политическая тенденция «действия с позиции силы» создает реальную угрозу нашей национальной безопасности: НАТО стоит в буквальном смысле на границе с Россией. (См.: Глазьев С.Ю. Очередной раз – на те же грабли? (к оценке стратегии развития Российской Федерации до 2010 года. Фонд «Центр стратегических разработок // РЭЖ,№5-6, 2000).

Ответ на поставленные вопросы предполагает, прежде всего, анализ теоретических концепций, на основе которых развивалась мировая и отечественная экономика. Необходимость и актуальность такого исследования подтверждается многолетней дискуссией, посвященной проблемам санкционируемой государством ориентации российской экономической системы и российского экономического образования на западные ролитеты и стандарты.